

Изъ записокъ декабриста М. И. Муравьева-Апостола.

Я встрѣтился въ первый разъ послѣ своего возвращенія изъ Сибири со своимъ троюроднымъ братомъ Н. Н. Муравьевымъ-Карскимъ на станціи тверской желѣз. дороги. — По случаю польскаго бунта вся Европа грозила войной Россіи, тогда Николая Николаевича намѣревались назначить главноначальствующимъ нашими войсками, поэтому онъ ѣхалъ въ Петербургъ.

Нашъ первый разговоръ начался о нашемъ погибшемъ идеальномъ Семеновскомъ полку.

— Да, братъ, говорилъ онъ, — теперь нѣтъ такого полка, какимъ былъ нашъ Семеновскій.

Брату Сергѣю Ивановичу, по особенной довѣренности Шварца, поручено было отводить роты раскассированнаго полка въ Царское Село, для передачи армейскимъ офицерамъ, которые ихъ отводили поротно. Предъ выступленіемъ съ послѣдней ротой братъ явился къ Шварцу. Онъ взялъ его за руку, подвелъ къ образу (Шварцъ былъ православный) и сказалъ:

— Богъ свидѣтель, что я не виноватъ! Мнѣ сказали, что полкъ этотъ состоитъ изъ бунтовщиковъ. Я, дуракъ, и повѣрилъ. Теперь сознаю, что я самъ не стою послѣдняго солдата полка, который я погубилъ».

1812 ,1813 и 1814 гг. насъ познакомили и сблизили съ нашими солдатами. Всѣ мы были проникнуты долгомъ службы. Добропорядочность солдатъ зависѣла отъ порядочности поведенія офи-

церовъ и соотвѣтствовала имъ. Каждый изъ насъ чувствовалъ свое собственное достоинство, поэтому умѣлъ уважать его въ другихъ. Служба отнюдь не страдала отъ добрыхъ отношеній, установившихся между солдатами и офицерами. Единодушіе послѣднихъ между собою было безпримѣрное. Въ 1815 году по нашемъ возвращеніи въ С.-Петербургъ какая то подписка, покровительствуемая графомъ Аракчеевымъ, была разослана по гвардейскимъ полкамъ. Офицера семеновскаго полка, какъ будто уговорились (не всѣ они жили въ казармахъ. По совѣсти утверждаю, что уговору не было) не пожертвовали копѣйки въ угоду всесильнаго временщика. Иванъ Дмитріевичъ Якушинъ тогда же замѣтилъ, что это намъ даромъ не пройдетъ.

Съ назначеніемъ генералъ-маіора Якова Алексѣевича Потемкина нашимъ полковымъ начальникомъ, доблестнаго служившаго прошедшую войну, любимаго солдатами и уважаемаго офицерами, человѣка доброй души и хорошаго общества, нашъ полкъ еще болѣе возвысился въ нравственномъ отношеніи. Поэтому естественно, что тѣлесныя наказанія (подъ которыми наши солдаты умирали въ арміи, какъ и въ гвардіи) послѣ трехлѣтнихъ заграничныхъ походовъ были не только неизвѣстны, но и немыслимы въ старомъ семеновскомъ полку, они были отмѣнены по согласію всѣхъ ротныхъ начальниковъ и съ разрѣшеніемъ Потемкина. Мыслимо ли было бить героевъ, отважно и единодушно защищавшихъ свое отечество, несмотря на существовавшую крѣпостную зависимость, прославившихся за границей своею непоколебимою храбростью и великодушіемъ.

Михаилъ Павловичъ, только что снявшій съ себя дѣтскую куртку, былъ назначенъ начальникомъ 1-й пѣшей гвардейской бригады. Доброе сердце великаго князя, о которомъ такъ много нынѣ пишутъ, было возмущено, узнавъ, что мы своихъ солдатъ не бьемъ. Онъ всячески старался уловить семеновскій полкъ въ какой-нибудь неисправности своими ночными наѣздами по карауламъ въ Галерный портъ и неожиданными пріѣздами по дежурствамъ. Все это ни къ чему не послужило. Вездѣ и всегда онъ находилъ полный порядокъ и строгое исполненіе службы. Это еще больше бѣсило и возстановляло противъ ненавистнаго ему полка. Разумѣется великій князь не могъ благоволить и къ нашему генералу, съ которымъ не имѣлъ ничего общаго. Поэтому къ намъ начали придираться, отыскивая во что бы то ни стало, правдой или неправдой, если не безпорядка, то по крайней мѣрѣ какихънибудь ошибокъ.

Въ 1817 году флигель-адъютантъ Клейнмихель былъ назначенъ плацъ-маіоромъ. Его обязанность заключалась въ записы-

ваніи ошибокъ, сдѣланныхъ во время ученія, предшествовавшаго разводу Александра I-го. Государь, какъ и его покойный отецъ, ставилъ себѣ въ священную обязанность всегда присутствовать при разводѣ.

У насъ тогда были шаги: Петербургскіе, Могилевскіе и Варшавскіе. Разница между ними состояла въ болѣе или менѣе шаговъ въ минуту. Музыкантъ держалъ въ рукахъ хронометръ и по немъ считалъ шаги.

Волосяные султаны въ аршинъ длины были прикрѣплены къ верхней наличной части кивера. Тогдашній мундиръ, пригонка амуниціи, скатанная шинель, надѣтая черезъ плечо, а сверхъ нея ранецъ, въ этомъ положеніи требовалось отъ солдата, чтобъ султаны во время ученія при ходьбѣ, при ружейныхъ пріемахъ не шевелились.

Генералъ-адъютантъ, командиръ лейбъ-гвар. гренад. полка Желтухинъ (извѣстный своей жестокостью) довелъ свой полкъ до этого идеальнаго совершенства. При поступленіи рекрутъ въ полкъ, онъ говорилъ ротнымъ командирамъ: — «Вотъ вамъ три человѣка, сдѣлайте изъ нихъ одного ефрейтора».

Замѣчаніе Клейнмихеля о шевелившихся султанахъ являлись черезъ день послѣ каждаго развода. Эти замѣчанія выпали на нашъ полкъ послѣ 1812 года, когда Александръ I-ый сбросилъ съ себя личину благодушія, въ которую облекался до того времени.

Прошу провѣрить на третій день, шевелились ли султаны или нѣтъ? «Слѣва въ колонну стройся!» — потомъ деплояда и контрмаршъ!

Баталіонъ выстроился во фронтъ. Клейнмихель замѣтилъ, что Николай Николаевичъ Толстой, приведя свой взводъ на мѣсто, не выровнялъ его, не скомандовалъ: «Глаза направо!» Узнавъ объ этомъ замѣчаніи, Толстой отправился въ комендантскую канцелярію и сказалъ Клейнмихелю, что замѣчаніе его несправедливо что онъ службу знаетъ и такой грубой ошибки не могъ сдѣлать. Клейнмихель упорствовалъ, не соглашаясь уничтожить свое ложное замѣчаніе. Тогда Толстой говоритъ ему: — «Послѣ этого вы .... И замѣчаніе не явилось въ приказѣ. Съ Хрущевымъ случилось то же самое, Онъ, по совѣту Толстого, отвѣтилъ ему точно также:

— «Послѣ этого вы» и проч. И этимъ тоже избавились отъ ложнаго обвиненія.

Подобныя ошибки, вызвавшія замѣчанія Клейнмихеля, считались въ то время за личное оскорбленіе царя.

Въ 1818 году Леонтій Осиповичъ Гурко однажды велъ по Пречистенкѣ изъ Хамовническихъ казармъ нашъ баталіонъ въ манежъ.

Онъ намъ замѣтилъ, что на насъ сердятся за то, что у насъ на ученіи солдатъ не бьютъ. — За что же было ихъ бить, когда они знаютъ свое дѣло и старательно его исполняютъ.

Этотъ самый Гурко въ началѣ войны 1812 года сказалъ въ обществѣ офицеровъ Семеновскаго полка: — Что до меня касается, мнѣ рѣшительно все равно, будетъ ли въ Россіи царствовать Наполеонъ I или Александръ I. — Князь Александръ Сергѣевичъ Голицынъ, прозванный «рыжимъ», жестоко напалъ за это на Гурко. Люди, подобные Гурко, за честь свою не стоятъ, у нихъ ея нѣтъ. — Дерзкая польская выходка не имѣла послѣдствій.

Когда полкъ пришелъ въ манежъ, людямъ, какъ водится, дали поправиться, затѣмъ ученіе началось, какъ всегда, ружейными пріемами. Гурко замѣтилъ, что одинъ солдатъ не скоро отвелъ руку отъ ружья, дѣлая на караулъ, и приказалъ ему выйти предъ баталіономъ, обнажить тесаки, спустить съ провинившагося ремни отъ сумы и тесака.

Братъ мой повысилъ шпагу, подошелъ къ Гуркѣ, сказалъ, что солдатъ, выведенный изъ фронта, числится въ его ротѣ, поведенія безпримѣрнаго и никогда не былъ наказанъ. — Гурко такъ потерялся, что сталъ объясняться съ братомъ передъ фронтомъ по-французски. И солдатъ не былъ наказанъ.

Когда ученіе кончилось, солдатамъ дали отдохнуть, а офицера собрались въ кружекъ предъ баталіономъ, тогда я взялъ и поцѣловалъ руку брата, смутивъ его такою неожиданной съ моей стороны выходкой.

Въ то время солдатская служба была не служба, а жестокое истязаніе. Между всѣми гвардейскими полками Семеновскій былъ единственнымъ, выведшимъ тѣлесныя наказанія.

Жестокость и грубость, заведенныя Павломъ, не искоренялись въ царствованіе Александра I, а поддерживались и высоко цѣнились. Примѣромъ можетъ служить флигель-адъютантъ, любимецъ Александра и великихъ князей Николая и Михаила, начальникъ гвардейскаго гусарскаго полка В. В. Левашевъ.

Однажды въ Царскомъ Селѣ онъ приказываетъ вахмистру, чтобъ на другой день его эскадронъ былъ собранъ въ манежъ, затѣмъ Левашевъ уѣзжаетъ въ Петербургъ. Вахмистръ передаетъ его приказаніе эскадронному начальнику полковнику Злотвинскому. Послѣдній говоритъ вахмистру, что завтра великій церковный праздникъ, и тоже отправляется въ Петербургъ. Левашевъ, возвратившись на другой день въ Царское Село, ѣдетъ прямо въ манежъ и не застаетъ тамъ эскадрона. Пріѣзжаетъ къ себѣ домой, онъ посылаетъ за вахмистромъ и за полками; садясь обѣдать, приказываетъ его наказывать и кричитъ нѣсколько разъ: — «Не

слышу (палочныхъ ударовъ)!» Когда онъ всталъ изъ-за стола, тогда вахмистра увезли въ больницу, тамъ старый заслуженный вахмистръ вскорѣ скончался. Вся гвардія знала о поступкѣ Левашева и о смерти вахмистра. Полковникъ Злотвинскій вышелъ изъ полка вслѣдствіе сего убійства. Все это не помѣшало Левашеву по прежнему быть любимцемъ, оставаться начальникомъ гвардейскихъ гусаровъ и пребывать въ еще большей милости.

Николай Ивановичъ Уткинъ (нашъ родственникъ), извѣстный граверъ, получивъ каѳедру профессора, жилъ въ зданіи Академіи Художествъ. Я шелъ къ нему черезъ Исакіевскій мостъ, видѣлъ, какъ солдатъ гренадерскаго полка перелѣзъ черезъ перила носовой части плашкоута, снялъ съ себя киверъ, амуницію, перекрестился и бросился въ Неву. Когда онъ все это снималъ, я не понималъ, что онъ дѣлаетъ. Мнѣ не приходило въ голову, что онъ собирается лишить себя жизни. — Часто случалось, что солдаты убивали перваго встрѣчнаго, предпочитая каторгу солдатской жизни.

Насъ преслѣдовали за то, что мы не доводили людей до такой крайности.

Михаилъ Павловичъ съ Аракчеевымъ, наконецъ, добились замѣны Потемкина Шварцемъ (ученикомъ Желтухина, перещеголявшаго жестокостью своего наставника), представивъ Якова Алексѣевича неспособнымъ, по излишнему мягкосердію, командовать полкомъ. Послѣ этого Александръ, прежде благоволившій къ Потемкину, совершенно къ нему охладѣлъ.

Шварцъ начальствовалъ Калужскимъ Гренадерскимъ полкомъ. Извѣстно было, что онъ приказывалъ солдатамъ снимать сапоги, когда бывалъ недоволенъ маршировкой и заставлялъ ихъ голыми ногами проходить церемоніальнымъ маршемъ по скошенной, засохшей пашнѣ, кромѣ того наказывалъ солдатъ нещадно и прославился вь арміи погостомъ своего имени.

Шварцъ принялся за нашъ полкъ по своему соображенію. Узнавъ, что въ немъ уничтожены тѣлесныя наказанія, сначала онъ къ нимъ не прибѣгалъ, какъ было впослѣдствіи; но недовольный ученіемъ обращалъ одну шеренгу лицомъ къ другой и заставлялъ солдатъ плевать въ лицо другъ другу; устроилъ ученіе; сверхъ того, изъ всѣхъ 12 ротъ поочередно ежедневно требовалъ къ себѣ по 10 человѣкъ и училъ ихъ, для своего развлеченія у себя въ залѣ, разнообразя истязанія: ихъ заставляли неподвижно стоять по цѣлымъ часамъ, ноги связывали въ лубки, кололи вилками и пр. Кромѣ физическихъ страданій и изнуренія, онъ разорялъ ихъ, не отпуская на работы. Между тѣмъ безпрестанная чистка стоила солдату денегъ, это отозвалось на ихъ пищѣ, и все

М. И. Муравьевъ-Апостолъ.
(Изъ собр. В. И. Семевскаго).

въ совокупности породило болѣзни и смертность. Къ довершенію всего Шварцъ сталъ переводить красивыхъ солдатъ, безъ всякихъ другихъ заслугъ, въ гренадерскія роты, а заслуженныхъ старыхъ гренадеръ, безъ всякой вины, перемѣщать въ другія, и тѣмъ лишалъ ихъ не только денегъ, но и заслуженныхъ почестей.

Михаилъ Павловичъ былъ чрезвычайно доволенъ Шварцемъ, поощрялъ его ежедневными посѣщеніями, дарилъ лошадей, карету и проч. Офицеры не подстрекали негодованія солдатъ, но оно было всеобщее и само собой вырывалось наружу. Угнетенные ожидали облегченія своей участи, надѣясь на инспекторскій смотръ. Но до корпуснаго начальника уже доходили слухи о неудовольствіи солдатъ на Шварца. Слабоумный Васильчиковъ рѣшился разомъ заглушить ихъ ропотъ, отстранивъ жалобы собственнымъ о нихъ починомъ. Такимъ способомъ солдаты вынуждены были молчать, оцѣпенѣвъ отъ изумленія. Послѣ смотра. Васильчиковъ благодарилъ Шварца за опрятность, хорошее обхожденіе съ подчиненными и отправился къ нему завтракать.

Наша 1-я гренадерская рота, во всѣхъ отношеніяхъ образцовая, считалась главою полка. Она состояла изъ отборнѣйшихъ старыхъ заслуженныхъ солдатъ, покрытыхъ боевыми ранами, пользовавшихся привилегіями и лично извѣстныхъ Александру.

Эти почтенные ветераны, послѣ вечерней переклички, черезъ своего фельдфебеля просили своего ротнаго начальника капитана Николая Ивановича Кошкарова пожаловать въ роту. Они объявили ему, что у нихъ нѣтъ болѣе ни силъ, ни средствъ служить подъ начальствомъ Шварца, поэтому просятъ принять ихъ жалобу. Кошкаровъ уговаривалъ роту отложить жалобу до болѣе благопріятнаго времени. Тогда они разсказали, что на попослѣднемъ полковомъ смотру И. В. Васильчиковъ подъѣзжалъ къ нимъ, говорилъ, что ему извѣстно, что *нѣкоторые* солдаты недовольны Шварцемъ, но, если кто-нибудь изъ нихъ на смотру выскажетъ на него неудовольствіе, тотъ умретъ подъ палками. И рота повторила просьбу дать немедленный ходъ жалобѣ, чтобъ знали, что не нѣкоторые солдаты недовольны Шварцемъ, а весь полкъ имъ недоволенъ, и 1-я рота уполномочила жаловаться отъ всего полка.

Кошкаровъ донесъ о случившемся полковнику И. Ѳ. Вадковскому. Послѣдній пробовалъ вразумить Шварца. Но тотъ сдѣлалъ ему выговоръ за потачку солдатамъ и жаловался Михаилу Павловичу на солдатъ и офицеровъ своего полка, великій князь дивизіонному начальнику Паскевичу, тотъ корпусному Васильчикову.

Въ третьемъ часу того дня, какъ 1-я рота жаловалась, великій князь держалъ ее два часа на ногахъ, требуя выдачи бунтов-

щиковъ. Рота стояла, какъ вкопанная, — Михаилъ Павловичъ уѣхалъ домой, взбѣшенный неудачей.

На другой день вечеромъ Васильчиковъ потребовалъ роту безъ амуниціи къ допросу въ зданіе Главнаго Штаба. Не доходя до воротъ штаба, какой-то человѣкъ объявилъ, что въ зданіи Главнаго Штаба нѣтъ мѣста, чтобы выстроить роту; тогда приказали ротѣ идти въ дворцовый манежъ. Вступивъ въ него, рота изумилась, что ворота съ обоихъ сторонъ отворились и два взвода Павловскаго полка съ заряженными ружьями вступили въ манежъ и взвели курки. Васильчиковъ грозилъ по нимъ стрѣлять. Солдаты отвѣчали, что они стояли подъ непріятельскими выстрѣлами и всегда готовы итти, куда прикажутъ, но что у нихъ нѣтъ болѣе ни силъ, ни средствъ продолжать службу подъ начальствомъ Шварца. Васильчиковъ отправилъ роту въ Петропавловскую крѣпость.

Одинъ конвойный Павловскій солдатъ пробѣжалъ по коридорамъ семеновскихъ казармъ, крича, что 1-я рота уведена въ крѣпость.

Всѣ остальныя 11-ть ротъ Семеновскаго полка вышли на площадь, находившуюся передъ ихъ лазаретомъ. Солдаты въ оскорбленіи и въ тревогѣ клялись другъ другу, что постоятъ за своихъ стариковъ или погибнутъ съ ними. Они еще надѣялись на поддержку государя, полагая, что онъ не долженъ дать въ обиду любимый имъ полкъ, который при Павлѣ былъ подъ его личнымъ начальствомъ.

Явились Михаилъ Павловичъ и Васильчиковъ, скомандовали выстроиться. Солдаты отвѣчали, что гдѣ головы нѣтъ, тамъ ноги не дѣйствуютъ. Великій князь, не отличавшійся находчивостью, спросилъ солдата: — «Что побуждаетъ ихъ такъ дѣйствовать?»— «То, что вы промѣняли насъ на нѣмцевъ», отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

Слѣдственная комиссія старалась узнать, кто изъ солдатъ отвѣчалъ на вопросъ Михаила Павловича. Трехъ солдатъ приводили въ комиссію. На вопросъ предсѣдателя: «Кто отвѣчалъ великому князю?» Одинъ изъ нихъ сказалъ:—«Ваше Превосходительство, позвольте Васъ спросить, кто изъ насъ троихъ первый вступилъ въ комнату?» Предсѣдатель указалъ на одного изъ солдатъ.

— Ваше Превосходительство! Я первый вступилъ въ комнату. Вы не могли этого замѣтить днемъ, то ночью, когда темно, возможно ли въ толпѣ разглядѣть кого-нибудь въ лицо, чтобъ послѣ узнать его [1]).

[1]) Графъ Гурьевъ, числившійся въ 1812 году въ нашемъ полку, передалъ мнѣ остроумный отвѣтъ солдата.

Не предвидя облегченія своимъ страданіямъ, семеновцы въ ожесточеніи искали убить Шварца, но онъ спрятался въ навозную кучу.

Васильчиковъ окончательно допрашивалъ ихъ: — Чего они хотятъ?

— «Отдайте намъ нашихъ стариковъ или посадите насъ вмѣстѣ съ ними».

Ротамъ приказано было итти въ крѣпость.

Вмигъ солдаты выстроились побаталіонно и въ полной тишинѣ пошли въ крѣпость. Только на другой день, жившіе въ улицахъ, по которымъ они проходили, узнали, что Семеновскій полкъ заключенъ въ крѣпость.

Глубокомысленныя соображенія жалкаго историка Богдановича, какъ слѣдовало дѣйствовать, разсказъ Жихарева, какъ Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ будто бы совѣтовалъ Васильчикову, что говорить солдатамъ, все это ничто иное, какъ пустая болтовня людей, не знающихъ сути дѣла.

Во время исторіи Семеновскаго полка Александръ I находился въ Лайбахѣ на конгрессѣ. С.-Петербургскій ареопагъ рѣшилъ на три дня остановить заграничную почту изъ Петербурга. Графъ Лебцельтернъ, австрійскій посланникъ, поспѣшилъ увѣдомить Меттерниха о случившемся съ Семеновскимъ полкомъ, отправивъ своего курьера въ Лайбахъ.

Никто изъ насъ не думалъ сѣтовать на Чаадаева за то, что онъ повезъ донесеніе въ Лайбахъ, исполняя возложенное на него порученіе.

Скажу, что онъ, какъ бы ни спѣшилъ, физически не могъ предупредить иностраннаго курьера, посланнаго тремя днями раньше.

Чаадаевъ мнѣ разсказывалъ о своемъ свиданіи съ Александромъ. Первый вопросъ Государя: — Иностранные посланники смотрѣли ли съ балконовъ, когда увозили Семеновскій полкъ въ Финляндію?

Чаадаевъ отвѣчалъ: — Ваше Величество, ни одинъ изъ нихъ не живетъ на Невской набережной.

Второй вопросъ: — Гдѣ ты остановился?

— У князя А. С. Меншикова, Ваше Величество.

— Будь остороженъ съ нимъ. Не говори о случившемся съ Семеновскимъ полкомъ.

Чаадаева поразили эти слова, такъ какъ Меншиковъ былъ Начальникомъ Канцеляріи Главнаго Штаба Е. И. В.

Чаадаевъ мнѣ говорилъ, что вслѣдствіе этого свиданія съ государемъ онъ рѣшился бросить службу.

Послѣдняя надежда семеновцевъ рушилась: указомъ императора повелѣно всѣхъ нижнихъ чиновъ раскассировать въ полки, а 1-й баталіонъ Шварца предать военному суду.

Не перечисляю всѣхъ безчеловѣчныхъ при этомъ поступковъ съ солдатами и несправедливыхъ съ офицерами, потому что они достаточно выяснены въ описаніи «Возмущеніе стараго Л. Г. Семеновскаго полка» К. Ѳ. Рылѣева [1]).

Чаадаевъ не принадлежалъ и не могъ принадлежать къ нашему, «Союзу». Только предъ своимъ отъѣздомъ за границу онъ узналъ отъ И. Д. Якушина о его существованіи, пенялъ ему за то, что онъ не увѣдомилъ его объ этомъ прежде, когда онъ былъ адъютантомъ Васильчикова; что тогда онъ постарался бы сдѣлаться флигель-адъютантомъ и могъ бы быть полезнымъ «союзу» [2]).

Н. Н. Раевскій и я, мы провожали Чаадаева до Кронштадта, видѣли какъ онъ сѣлъ на корабль. Прежде чѣмъ съ нимъ проститься, Раевскій сказалъ мнѣ: — «Зачѣмъ это мы провожали Чаадаева?»

Чаадаевъ простился съ нами, какъ будто мы должны съ нимъ свидѣться на другой день.

Въ 1814 году Чаадаевъ во время нашего пребыванія въ Парижѣ жилъ съ П. А. Фридрихсомъ, о которомъ разсказывалъ, что тотъ дѣлаетъ выписки изъ Флоріана. Онъ жилъ съ Фридрихсомъ собственно для того, чтобы перенять щегольской шикъ носить мундиръ. Въ 1811 году мундиръ Фридрихса, ношенный въ продолженіи трехъ лѣтъ, возили въ зимній дворецъ, на-показъ.

П. Я. Чаадаевъ вышелъ изъ семеновскаго полка въ Парижѣ единственно для того, чтобъ надѣть гусарскій мундиръ. Онъ вступилъ въ Ахтырскій полкъ.

Чаадаевъ не особенно былъ извѣстенъ Александру I. Съ А. Ѳ. Орловымъ онъ не былъ на ты.

«La Russie n'a ni passé, ni avenir.» Человѣкъ, который участвовалъ въ походѣ 1812 года и который могъ это написать— положительно сошелъ съ ума. Понимаю негодованіе А. С. Хомякова, К. С. Аксакова и всякаго искренно русскаго.—Бѣдный Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ!

---

[1]) Сравни статью В. И. Семевскаго. «Волненіе Семеновскаго полка въ 1820 г.» въ журналѣ «Былое» 1907 г. №№ 1—3. *Ред.*

[2]) По словамъ Якушкина въ его запискахъ, Чаадаевъ все же согласился вступить въ Тайное Общество, но дѣйствительно пенялъ, что его не приняли раньше, такъ какъ тогда «онъ не вышелъ бы въ отставку и постарался бы попасть въ адъютанты къ Великому Князю Николаю Павловичу, который, очень можетъ быть, покровительствовалъ бы подъ рукой Тайное Общество, если бы ему внушить, что это Общество можетъ быть для него опорой въ случаѣ восшествія на престолъ старшаго брата (Константина Павловича)». «Записки И. Д. Якушкина». М. 1905 г., стр. 56. *Ред.*

Въ 1838 году статья Чаадаева въ «Телескопѣ» вызвала слѣдующіе стихи:

. . . . . и вотъ
Въ кипѣньи совѣщанья
Утопистъ, идеологъ,
Президентъ собранья,
Старыхъ барынь духовникъ,
Маленькій аббатикъ,
Что въ гостиныхъ бить привыкъ
Въ маленькій набатикъ.
Всѣ кричатъ ему привѣтъ
Съ оханьемъ и пискомъ.
А онъ важно имъ въ отвѣтъ
Dominus vobiscum.

Д. В. Давыдовъ.

Эти отрывки списаны съ рукописи Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола. Стихи Давыдова Матв. Ив—чемъ приведены въ подтвержденіе той его мысли, что выдающіеся русскіе люди, близкіе по времени и отношенію къ Пет. Як. Чаадаеву, далеко не видѣли въ немъ выдающагося прогрессивнаго дѣятеля, а напротивъ были сами возмущены имъ, какъ человѣкомъ, который могъ сказать о Россіи, что она не имѣетъ ни прошлаго, ни будущаго.

А. Созоновичъ [1]).

---

[1]) А. П. Сазоновичъ—воспитанница М. И. Муравьева-Апостола. Ея воспоминанія были напечатаны въ сборникѣ «Декабристы». (Изд. М. М. Зензинова подъ редакціей П. М. Головачева. М. 19) Настоящія записки печатаются съ рукописи, предоставленной редакціи М. М. Зензиновымъ. *Ред.*